

Глава пятая ВЕРХОВНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВЕТ

Мысль о создании учреждения, стоявшего выше Сената, витала в воздухе еще при Петре Великом. Однако в жизнь она была претворена не им, а его супругой Екатериной I. При этом сама идея изменилась кардинально. Петр, как известно, правил страной сам, вникая во все детали правительственного механизма как во внутренней, так и во внешней политике. Екатерина же была лишена достоинств, которыми природа щедро наградила ее супруга.

Современники и историки по-разному оценивали скромные способности императрицы. Фельдмаршал русской армии Бурхард Христофор Миних не жалел хвалебных слов в адрес Екатерины: «Эта государыня была любима и обожаема всей нацией, благодаря своей врожденной доброте, которая проявлялась всякий раз, когда она могла принять участие в лицах, попавших в опалу и заслуживших немилость императора... Она была поистине посредницей между государем и его подданными».¹

Восторженный отзыв Миниха не разделял историк второй половины XVIII века князь М. М. Щербатов: «Она была слаба, роскошна во всем пространстве сего названия, вельможи были честолюбивы и жадны, и из сего произошло: упражняясь в повседневных пиршествах и роскошах, оставила всю власть правительства вельможам, из которых вскоре взял верх князь Меншиков».²

Знаменитый историк XIX века С. М. Соловьев, изучавший время Екатерины I по неопубликованным источникам, дал Екатерине несколько иную оценку: «Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношениями, но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности почина и направления».³

Три несхожих мнения свидетельствуют о том, что их авторы в оценке императрицы руководствовались различными критериями: Миних – наличием личных добродетелей; Щербатов – такими нравственными свойствами, которые должны быть присущи в первую очередь государственному деятелю, монарху; Соловьев – способностью управлять государством, деловыми качествами. Но достоинств, перечисленных Минихом, явно не достаточно для того, чтобы управлять обширной империей, а тяга к роскоши и пиршествам, равно как и отсутствие должного внимания к делам и неспособность оценивать обстановку и определять пути преодоления возникших трудностей, вообще лишают Екатерину репутации государственного деятеля.

Не располагавшая ни знанием, ни опытом, Екатерина, разумеется, была заинтересована в создании учреждения, способного оказать ей помощь, тем более что ее угнетала зависимость от Меншикова. В существовании учреждения, способного противостоять натиску Меншикова и его безграничному влиянию на императрицу, были заинтересованы и вельможи, среди которых наиболее активным и влиятельным был граф П. А. Толстой, соперничавший с князем в борьбе за власть.

Заносчивость и пренебрежительное отношение Меншикова к прочим вельможам, заседавшим в Сенате, переходили все границы. Показателен эпизод,

¹ Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 41.

² Щербатов М. М. Соч. Т. 2. С. 170.

³ Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 551.

произошедший в Сенате в конце 1725 года, когда руководивший строительством Ладожского канала Миних попросил Сенат выделить 15 тысяч солдат для окончания работ. Просьбу Миниха поддержали П. А. Толстой и Ф. М. Апраксин. Их доводы о целесообразности закончить начатое Петром Великим предприятие несколько не убедили князя, в запальчивости заявившего, что не дело солдат копать землю. Меншиков демонстративно покинул Сенат, тем самым оскорбив сенаторов. Однако и сам Меншиков не возражал против учреждения Тайного совета, полагая, что он без труда укротит своих соперников и, прикрываясь Тайным советом, будет по-прежнему верховодить в правительстве.

Идею создания нового учреждения предложил Толстой. Председательствовать на заседаниях Верховного тайного совета должна была императрица, а членам Совета предоставлялись равные голоса. Екатерина сразу же ухватилась за эту идею. Если не умом, то обостренным чувством самосохранения она понимала, что необузданный нрав Меншикова, его стремление командовать всем и вся могли вызвать распри и взрыв недовольства не только в среде родовой знати, но и у тех, кто возводил ее на престол.

Кампредон приводит высказывание императрицы, относящееся ко времени образования Верховного тайного совета. Она заявила, «что покажет всему свету, что умеет заставить повиноваться себе и поддержать славу своего правления». Учреждение Верховного тайного совета действительно позволяло Екатерине укрепить свою власть, заставить всех «повиноваться себе», но при определенных условиях: если она умела ловко плести интриги, если она умела сталкивать лбами противоборствующие силы и выступать посредницей между ними, если она имела четкое представление, куда и какими средствами должно вести страну высшее правительственное учреждение, если она, наконец, умела создавать полезные ей в нужный момент коалиции, временно объединяющие соперников. Ни одним из перечисленных качеств Екатерина не обладала, поэтому ее заявление, если его точно воспроизвел Кампредон, повисло в воздухе, оказалось чистойшей бравадой. С другой стороны, согласие Екатерины на создание Верховного совета косвенно свидетельствовало о признании ею неспособности самой, подобно супругу, править страной. Парадокс учреждения Верховного тайного совета состоял в том, что в нем сочетались противоречивые чаяния лиц, причастных к его возникновению. Толстой, как сказано выше, в Верховном тайном совете видел средство укрощения Меншикова. Эти ожидания разделяли Апраксин и Головкин. Меншиков же, поддержав идею создания Верховного тайного совета, видимо, руководствовался тремя соображениями. Во-первых, он попросту прозевал шаги, предпринятые Толстым, а обнаружив их, счел, что противодействовать им бесполезно. Во-вторых, из нового учреждения он тоже намеревался извлечь выгоду – подмять под себя пять членов Верховного тайного совета, считал он, легче, чем многочисленный состав в Сенате. И, наконец, в-третьих, Александр Данилович связывал с Верховным советом осуществление своей давней мечты – лишить прежнего влияния своего злейшего врага генерал-прокурора Сената П. И. Ягужинского.

Верховный тайный совет был создан 8 февраля 1726 года именным указом императрицы. Однако слухи о возможности возникновения нового учреждения проникли в дипломатическую среду еще в мае 1725 года, когда саксонский посланник Лефорт доносил, что поговаривают об учреждении «Тайного совета». Аналогичную информацию отправил французский посланник Кампредон, назвавший даже фамилии членов будущего учреждения.

Хотя законодатель располагал достаточным временем, чтобы составить фундаментальный нормативный акт, указ, зачитанный Г. И. Головкиным членам Верховного тайного совета 10 февраля, отличался поверхностным содержанием, создающим впечатление, что он сочинялся наспех. Создание нового учреждения

обосновывалось тем, что необходимо предоставить возможность членам Верховного тайного совета сосредоточить свои усилия на решении важнейших дел, освободив их от мелочных забот, которые обременяли их как сенаторов. Однако в указе не определено место нового учреждения в действующем правительственном механизме, четко не обозначены права и обязанности нового учреждения. Указ назвал фамилии лиц, обязанных в нем присутствовать: генерал-фельдмаршал князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин, канцлер граф Г. И. Головкин, граф П. А. Толстой, князь Д. М. Голицын и барон А. И. Остерман.

Состав Верховного тайного совета отражал соотношение сил «партий», соперничавших при возведении Екатерины на престол: пять из шести членов Верховного совета принадлежали к новой знати, а родовая аристократия была представлена одним Голицыным. Примечательно, однако, что в нем не оказалось любимца Петра Великого, персоны, значившейся в чиновном мире под номером один, – генерал-прокурора Сената П. И. Ягужинского. Павел Иванович являлся, как отмечалось выше, злейшим врагом Меншикова, и последний не возражал против создания Верховного тайного совета, в частности, в расчете на то, что должность генералпрокурора Сената будет ликвидирована и посредническую роль между императрицей и Сенатом будет выполнять Верховный тайный совет.

За бортом Верховного тайного совета оказался еще один соратник Петра, тоже недруг Меншикова, – кабинет-секретарь А. В. Макаров. Не нашлось в нем места и для таких опытных дельцов, как П. П. Шафиров, И. А. Мусин-Пушкин и др. Все это дает основание считать, что при комплектовании Верховного тайного совета шел торг между Екатериной, Меншиковым и Толстым.

17 февраля кабинет-секретарь Макаров объявил в Верховном тайном совете указ императрицы, крайне озадачивший и настороживший Меншикова, – в состав учреждения назначалась еще одна персона – зять Екатерины герцог Карл Фридрих Голштинский. Князю не стоило большого труда разгадать цель назначения – он оценил его как стремление ослабить его влияние, создать ему противовес и более надежную, чем он, Меншиков, опору трону. Меншиков не поверил тому, что Екатерина могла осмелиться без его ведома совершить подобное, и переспросил Макарова: правильно ли он передал повеление императрицы? Получив утвердительный ответ, светлейший немедленно отправился к Екатерине за разъяснением. Содержание беседы и ее тональность остались неизвестными, но результат известен – Екатерина настояла на своем. Герцог на очередном заседании Верховного тайного совета заверил слушателей, что он «не иначе яко за члена и прочим присутствующим господам министрам за коллегу и товарища будет».⁴ Иными словами, супруг дочери императрицы Анны Петровны не претендовал на первенствующую роль в Верховном тайном совете, чем несколько успокоил Меншикова. Что касается остальных членов Тайного совета, то их вполне устраивало появление такой влиятельной фигуры, которая, опираясь на родство с императрицей, могла противостоять засилью Александра Даниловича.

Итак, состав нового учреждения был утвержден. Что касается его компетенции, то она определялась расплывчатой фразой: «Мы рассудили и повелели с нынешнего времени при дворе нашем как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел учредить Верховный тайный совет, при котором мы сами будем присутствовать».⁵

Последующие указы, издававшиеся как от имени Верховного тайного совета,

⁴ Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886. С. 56.

⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4830.

так и от имени императрицы, уточнили круг вопросов, подлежащих его решению, и его отношение к Сенату, Синоду, коллегиям и верховной власти.

Уже 10 февраля Верховный тайный совет велел всем центральным учреждениям обращаться к нему с доношениями. Впрочем, было сделано одно исключение: три «первейшие», по терминологии петровского времени, коллегии (Военная, Адмиралтейская и Иностранных дел) изымались из ведения Сената, сносились с ним, как равные, промемориями и становились подвластны только Верховному тайному совету.

В появлении этого указа был свой резон: президентами трех названных выше коллегий были Меншиков, Апраксин и Головкин; они же заседали в Верховном тайном совете, поэтому не престижно было подчинять эти коллегии Сенату, который сам был зависим от Тайного совета.

Важную веху в истории Верховного тайного совета составляет так называемое «Мнение не в указ о новом учрежденном Тайном совете», поданное императрице ее членами. Нет надобности излагать содержание всех тринадцати пунктов «Мнения». Остановимся на важнейших из них, имеющих принципиальное значение, поскольку в них четче, чем в учредительном указе, определялись цель создания нового учреждения и его главная задача. Верховный тайный совет, гласило «Мнение», «служит только к облегчению ее величества в тяжком бремени правления». Таким образом, формально Верховный тайный совет являлся совещательным органом, состоявшим из нескольких персон, что позволяло избегать поспешных и ошибочных решений. Однако следующий за этим пункт расширял полномочия Верховного тайного совета вручением ему законодательных функций: «Никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном совете совершенно не состоялись, протоколы не закреплены и ее величеству для всемилостивейшей апробации прочтены не будут, и потом могут они закреплены и разосланы действительным статским советником Степановым (секретарем совета. – *Н. П.*)».

«Мнение» установило распорядок работы Верховного тайного совета: по средам он должен рассматривать внутренние дела, по пятницам – чужестранные; если появится нужда, то созывались чрезвычайные заседания. «Мнение не в указ» выразило надежду на активное участие в заседаниях Совета императрицы: «Так как ее величество в Тайном совете президентство сама имеет, и есть причина надеяться, что она персонально часто присутствовать будет».

Еще одна веха в истории Верховного тайного совета связана с указом 1 января 1727 года. Он, как и указ 17 февраля 1726 года о включении в состав Тайного совета герцога Голштинского, наносил очередной удар по всевластию Меншикова. В своем заявлении членам Совета 23 февраля 1726 года герцог, как мы помним, обещал быть обычным, как и все остальные присутствующие, членом нового учреждения, призывал всех, чтобы «каждый мнение свое свободно и откровенно объявил». И действительно, Меншиков сохранил за собой роль первенствующего члена и продолжал навязывать свою волю остальным. Указом же от 1 января 1727 года Екатерина I решила официально закрепить эту роль за герцогом. «Мы, – говорилось в указе, – на его верное рвание к нам и к интересам нашим совершенно положиться можем, того ради и его королевское высочество, яко наш любезнейший зять и по достоинству своему, не токмо над прочими членами первенство и во всех приключаящихся делах первый голос, но и мы его королевскому высочеству позволяем требовать от всех учреждений необходимые ему ведомости».⁶

К счастью для Меншикова, герцог как личность не был способен ему противостоять. Слабый душой и телом, хмелевший даже от небольшого количества

⁶ Там же. Указ от 1 января 1727 г.

горячительных напитков, к которым он питал нежную любовь, герцог не мог составить конкуренцию князю еще и потому, что не знал русского языка, не был осведомлен о состоянии дел в России и не имел достаточного административного опыта. Саксонский посол Лефорт дал ему уничижительную характеристику: «Образ жизни герцога лишил его доброго имени»; по словам посла, принц находил «единственное удовольствие в рюмке», причем тут же засыпал «под влиянием винных паров, так как Бассевич внушил ему, что только этим можно заставить себя полюбить в России».⁷ Бассевич, первый министр герцога, опытный интриган и хвастун, считавший, что Россия обязана ему всем, что в ней происходит, легко управлял герцогом как марионеткой и представлял главную опасность для Меншикова.

Схожее суждение о герцоге находим у датского посла Вестфалена. Правда, Вестфален отзывался о зяте императрицы менее сурово, находя в нем кое-какие положительные свойства: «Герцог не владеет русским языком. Зато он говорит по-шведски, по-немецки, по-французски и по-латыни. Он отличается начитанностью, в особенности в области истории, любит заниматься, пишет много, склонен к роскоши, упрям и горд. Брак его с Анной Петровной несчастлив. Герцог не привязался к своей супруге и склонен к распутству и попойкам. Ему хочется походить на Карла XII, между которым и герцогом нет никакого сходства. Он любит беседовать, причем обнаруживает ханжество».

Тем не менее эта, в общем, ничтожная личность оказывала значительное влияние на императрицу. В свою очередь, помимо советов Бассевича, герцог, надо полагать, пользовался советами своей уравновешенной и рассудительной супруги.

Описание внешности Анны Петровны и ее душевных качеств дал граф Бассевич. Как уже говорилось, Бассевич не жалел красок, чтобы изобразить ее в самом привлекательном виде: «Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчили в ней. Рост ее более пяти футов не являлся слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства.

Ничто не может быть величественнее ее осанки и физиономии; ничто правильнее описания ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее были неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого-либо недостатка.

Ко всему этому присоединялись проницательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского».

Кампредон, пристально следивший за расстановкой сил при дворе, отметил в своих депешах растущее влияние герцога Голштинского на императрицу уже в первой половине 1725 года.

3 марта он доносил: «Царица, видя в герцоге лучшую опору для себя, горячо примет к сердцу его интересы и будет в значительной степени руководствоваться его советами». 10 марта: «Влияние герцога все растет». 7 апреля: «Герцог Голштинский – самый ближайший поверенный царицы». 14 апреля: «С завистью и без страха здесь смотрят на возрастающее доверие к герцогу Голштинскому, особенно те, которые

⁷ Сб. РИО. Т. 55. С. 431.

пренебрежительно и даже с презрением относились к нему при жизни царя. Только козни их бесполезны. Царица, которая желает его возвести на престол Швеции и надеется для него получить военную помощь этой державы, видит в герцоге свою вернейшую опору. Она убеждена, что у него отныне не может быть интересов, отдельных от нее и ее семьи, и что она поэтому может желать лишь того, что выгодно или почетно для нее, вследствие чего она с своей стороны может вполне полагаться на добросовестность его советов и на честность его отношений к ней». 24 апреля: «Герцог Голштинский, во время покойного царя не имевший голоса, теперь ворочает всем, так как царица руководствуется лишь советами его и князя Меншикова, нашего завязанного противника».

Герцог рассчитывал на получение от Петра в качестве приданого за дочерью Лифляндии и Эстляндии, но не получил ни того ни другого. Зато Екатерина 6 мая 1725 года подарила герцогу острова Эзель и Даго, чем вызвала ненависть русских вельмож.

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что речь в книге идет о влиянии на императрицу попеременно то герцога Голштинского, то Меншикова, то Толстого. На первый взгляд эти суждения противоречат одно другому. Но, приглядевшись к личности императрицы, женщины безвольной, стремившейся избегать конфликтов с вельможами и в то же время легко поддававшейся внушениям то одного, то другого, надлежит признать эти противоречия кажущимися. Екатерина имела обыкновение соглашаться со всеми, и это создавало впечатление о растущем влиянии на нее то герцога и стоявших за его спиной супруги и министра, то Меншикова, то Толстого. О влиянии Макарова источники умалчивают, но не потому, что этого влияния не было, а потому, что это влияние было тeneвым. В действительности пальму первенства во влиянии на императрицу следует отдать Меншикову не только потому, что ему принадлежала решающая роль в возведении ее на трон, но и потому, что он располагал силой, которая, без труда подарив Екатерине корону, с такой же легкостью могла эту корону у нее отнять. Императрица боялась Меншикова и даже в критической для князя ситуации, когда он попытался овладеть герцогством Курляндским, не осмелилась отстранить его от власти.

Расширение полномочий зятя не оправдало надежд Екатерины – этим маневром ей в конечном счете не удалось создать противовес Меншикову в Верховном тайном совете. Неудача объяснялась прежде всего тем, что безвольному, недалекому, лишенному способности принимать самостоятельные решения герцогу противостоял энергичный, напористый, опытный не только в интригах, но и в знании обстановки в стране Меншиков.

Природные недостатки герцога усугублялись тем, что он с легкостью поддавался стороннему влиянию. Человеком, без ведома которого герцог не смел сделать и шага, был его министр граф Бассевич – личность авантюристического склада характера, интриган по натуре, не раз ставивший своего повелителя в неловкое положение.

Цель, к которой стремилась Екатерина, была проста – не только сохранить корону на своей голове до конца дней своих, но и водрузить ее на голову одной из дочерей. Действуя в интересах герцога, императрица положила на родственные связи и отклонила услуги и усердие Меншикова, которому она была обязана тронem. Впрочем, герцог оказался настолько слаб, что не смог справиться с наведением порядка не только в стране, но и в собственной семье. Вот свидетельство французского дипломата Маньяна, отметившего, «между прочим, холодность и несогласие, царствующие между ним и герцогиней, супругой его, и доходящие до того, что он уже более трех месяцев не допускается в ее спальню».⁸

⁸ Сб. РИО. Т. 64. С. 424.

Как мы помним, Екатерина обещала председательствовать на заседаниях Верховного тайного совета. Однако обещания своего она не выполнила: за пятнадцать месяцев, прошедших со времени учреждения Верховного тайного совета до ее кончины, она присутствовала на заседаниях пятнадцать раз. Нередки случаи, когда она накануне дня заседания Совета выражала желание на нем присутствовать, но в день, когда оно должно было состояться, поручала объявить, что переносит свое присутствие на следующий день, после полудня.

Причин, по которым это происходило, источники не называют. Но, зная распорядок дня императрицы, можно без риска ошибиться высказать мнение, что она недомогаала из-за того, что ложилась спать после семи утра и проводила ночные часы за обильным застольем.

Как уже говорилось, при Екатерине I в Верховном тайном совете верховодил Меншиков – человек, хотя и небезупречной репутации, но с достаточно широким диапазоном дарований: он был талантливым полководцем и неплохим администратором и, будучи первым губернатором Петербурга, успешно руководил застройкой новой столицы.

Вторым лицом, оказывавшим влияние как на императрицу, так и на Верховный тайный совет, был тайный кабинетсекретарь Алексей Васильевич Макаров. С этим человеком есть резон познакомиться поближе.

Подобно Меншикову, Девиеру, Курбатову и другим менее известным соратникам Петра Великого, Макаров не мог похвастаться своей родословной – он был сыном подьячего Вологодской воеводской канцелярии. Историк-любитель второй половины XVIII века И. И. Голиков изобразил первую встречу Петра с Макаровым так: «Великий государь в бытность свою в Вологде в 1693 году увидел в вологодской канцелярии между приказными молодого писца, именно же сего г. Макарова, и с первого на него взгляда, проникши в его способности, взял его к себе, определил писцом же в Кабинет свой и, мало-помалу возвышая его, произвел в помянутое достоинство (тайного кабинет-секретаря. – *Н. П.*), и с того времени он неотлучен от монарха».

В сообщении Голикова, по крайней мере, три неточности: никакого Кабинета у Петра Великого в 1693 году не существовало; Макаров служил не в вологодской, а в ижорской канцелярии у Меншикова; наконец, начальной датой его службы в Кабинете следует считать 1704 год, что подтверждается патентом на звание тайного кабинет-секретаря.

Столь же фантастические, но диаметрально противоположные сведения о способностях Макарова высказал немец Гельбиг, автор известного сочинения «Случайные люди в России». О Макарове Гельбиг писал, что он «сын простолюдина, толковый малый, но настолько несведущий, что не умел даже читать и писать. Кажется, это невежество и составило его счастье. Петр взял его в свои секретари и поручил ему списывание секретных бумаг, работа для Макарова утомительная, потому что он копировал механически».

Достаточно даже поверхностного знакомства с документами той поры, к составлению которых был причастен Макаров, чтобы убедиться в нелепости свидетельства Гельбига: Макаров не только умел читать и писать, но и превосходно владел канцелярским языком. Было бы преувеличением считать перо Макарова блестящим, подобным тому, которым владели И. Т. Посошков, П. П. Шафиров, Ф. Салтыков, но письма, указы, экстракты и прочие деловые бумаги он составлять умел, с полуслова понимал мысли Петра и придавал им приемлемую для того времени форму.

В Кабинет стекалась огромная масса материалов общегосударственного

значения. Все они, прежде чем попасть к царю, проходили через руки кабинет-секретаря.

В среде правительственной элиты Макаров пользовался огромным авторитетом. Его доброжелательства домогались Меншиков и Апраксин, Головкин и Шафилов и другие сановники. В архивном фонде Кабинета Петра Великого хранятся тысячи писем, адресованных Макарову. Взятые вместе, они представляют обильный материал для изучения характеров, нравов и человеческих судеб той поры. Одни обращались за милосердием к царю, другие выпрашивали его у Макарова. Отметим, челобитчики докучали царю в редких случаях: их руку удерживали несколько указов Петра, строго каравших за подачу лично ему прошений. Челобитчики, однако, научились обходить указы: они обращались с просьбами не к царю, а к Макарову, чтобы тот исхлопотал у монарха удовлетворение просьбы. Письма заканчивались просьбой «предстательствовать» перед царем и доложить ему суть просьбы «во благополучное время» или «со временем». Князь Матвей Гагарин изобрел несколько иную формулу: «Пожалуй, милостивый государь, усмотря случай донести его царскому величеству». «Во благополучное время» или «со временем» в переводе на современный язык означало, что челобитчик просил Макарова доложить царю просьбу в то время, когда тот пребывал в хорошем, благодушном настроении, то есть Макаров должен был уловить момент, когда просьба не могла вызвать вспышки гнева у раздражительного царя.

Какими только просьбами не осаждали Макарова! Марья Строганова просила его ходатайствовать перед царем об освобождении от службы ее племянника Афанасия Татищева, поскольку в нем «есть нужда» в доме. Княгиня Арина Трубецкая выдавала замуж свою дочь и в связи с этим домогалась, чтобы Макаров исходатайствовал у Екатерины разрешения на заём у казны 5–6 тысяч рублей, «чтобы нам сию свадьбу отправить». Анна Шереметева, вдова фельдмаршала Бориса Петровича, просила оградить ее «от челобитчиков в беглых крестьянах, ищут за пожилые годы превеликих исков». Графиня просила кабинет-секретаря «во благополучное время» доложить царю и царице, чтобы те «оборонили» ее от истцов.

Множество просьб Макарову исходило от вельмож. Президент Адмиралтейской коллегии и сенатор Федор Матвеевич Апраксин заканчивал свое послание к кабинет-секретарю словами: «Письмо его царскому величеству изволь вручить и как оное будет принято, пожалуй, не изволь оставить без известия». Сын князя-папы всепьянейшего собора Конон Зотов, добровольно вызвавшийся поехать за границу для обучения, сетовал Макарову из Парижа: «...по се число не имею (от царя. – *Н. П.*) ни похвалы, ни гневу».

К посредничеству Макарова прибегал даже всемогущий Меншиков. Не желая беспокоить царя мало значащими делами, он писал: «О протчем, не хотел ваше величество утруждать, писал я пространно секретарю Макарову». В письме же к Макарову Александр Данилович, изложив суть мелких дел, извещал его: «А я его величество сими малыми делами докучать не хотел, на что ожидать буду». Меншиков, как впрочем и другие корреспонденты, находившиеся с Макаровым в доверительных отношениях, нередко информировал кабинет-секретаря о фактах и событиях, которые считал необходимым скрывать от царя, ибо знал, что они вызовут его гнев. Так, например, в июле 1716 года Меншиков писал Макарову, находившемуся вместе с царем за границей: «Тако ж в Петергофе и в Стрелиной в работниках больных зело много и умирают непрестанно, ис которых нынешним летом больше тысячи человек померло. Однако ж о сем работничьем худом состоянии пишу к вам во особливое ваше ведение, о чем, разве какой случай позовет, то тогда донести можете, понеже, чаю, что и так многие неисправления здешние его царское величество не по малу утруждают». В доношении царю, отправленном в тот же день, о массовой гибели строителей – ни единого слова.

Правда, князь сообщил, что работы на острове Котлин он обрел «в слабом состоянии», но причиной тому назвал непрерывные дожди.

Макаров отваживался оказывать помощь даже лицам, находившимся в царской опале. Среди вельмож, им облагодетельствованных, встречаем первого «прибыльщика» Алексея Курбатова, ставшего затем архангелогородским вице-губернатором, московского вице-губернатора Василия Ершова, любимого денщика царя, а затем адмиралтейца Александра Кикина. Последний был обвинен в 1713 году в преступных махинациях с подрядами на поставку хлеба в Петербург. Угроза закончить жизнь на виселице казалась вполне реальной, но бывшего любимца царя выручили тогда из беды Екатерина Алексеевна и Макаров.

Деятельность Макарова в качестве кабинет-секретаря заслуживает столь подробного освещения прежде всего потому, что он выполнял эту должность и при Екатерине I. Причем кабинет-секретарь в ее царствование приобрел неизмеримо большее влияние, чем в предшествующее. При царе-реформаторе, державшем в своих руках все нити управления страной, Алексей Васильевич выполнял роль докладчика; при Екатерине, не владевшей навыками управления, он выступал в роли советника императрицы и посредника между ней и Верховным тайным советом. Макаров был подготовлен к выполнению этой задачи, имея за своими плечами более чем двадцатилетнюю школу обучения ремеслу администратора, пройденную под руководством Петра.⁹ Зная все тонкости работы правительственного механизма и умевший вовремя подсказать императрице необходимость обнародования нужного указа, Макаров, наряду с Меншиковым, стал главнейшим помощником Екатерины.

О том, какой высокий престиж сумел Макаров придать руководимому им учреждению и собственной персоне кабинет-секретаря, свидетельствуют несколько фактов. Так, указом от 7 сентября 1726 года велено было о важных делах доносить сначала Кабинету ее императорского величества, а затем уже Верховному тайному совету.¹⁰ 9 декабря 1726 года Екатерина, высоко ценившая услуги Макарова, пожаловала его чином тайного советника.

Другим свидетельством высокого авторитета Макарова являлась формула регистрации его присутствия на заседаниях Верховного тайного совета. Даже о сенаторах, не говоря уже о вельможах более низкого ранга, в журнальных записях читаем: «впущен», «допущен» или «призван» в присутствие Верховного тайного совета, в то время как появление Макарова регистрировалось более уважительной формулой: «Потом пришел тайный кабинет-секретарь Макаров», «Потом был тайный кабинет-секретарь Макаров», «Потом Кабинета тайный секретарь Макаров объявил».

Значение Сената и сенаторов в царствование Екатерины значительно ослабло. Об этом свидетельствует, например, журнальная запись Верховного тайного совета от 28 марта 1726 года, когда на его заседание прибыли с докладом сенаторы Девиер и Салтыков: «До впуска тех сенаторов, его королевское высочество (герцог Голштинский. – *Н. П.*) изволил объявить мнение свое: что когда в Верховный тайный совет приходят будут сенаторы с делами, то б при них тех дел не читать и об них не рассуждать, дабы они того, что Верховный тайный совет рассуждать станут, прежде времени не ведали».¹¹

Иностраный министр в тогдашней бюрократической пирамиде тоже стоял

⁹ Павленко Н. И. Вокруг трона. М., 1999. С. 384–414.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 56. С. 381, 382, 431; Т. 63. С. 559.

¹¹ Сб. РИО. Т. 55. С. 369, 374, 151.

ниже Макарова: «При том собрании впущен был его королевского высочества герцога Голштинского тайный советник фон Бассевич». Напомним, герцог Голштинский был зятем императрицы.

Общение между императрицей и Верховным тайным советом осуществлялось различными способами. Самый простой заключался в том, что Макаров извещал членов совета об отмене намерения государыни присутствовать на заседании Верховного тайного совета.

Чаще всего Макаров выполнял посредническую роль между императрицей и Верховным тайным советом, передавал ему устные повеления Екатерины или выполнял поручения Верховного тайного совета передать императрице подготовленные указы на утверждение. Было бы, однако, ошибкой считать, что Алексей Васильевич при этом выполнял чисто механические функции – в действительности он во время докладов давал несведущей в делах управления и не желавшей вникать в суть вопроса императрице советы, с которыми она легко соглашалась. В итоге повеления императрицы фактически принадлежали не ей, а кабинет-секретарю, умевшему тактично навязывать ей свою волю. Приведем несколько примеров, оговорившись, что прямых свидетельств, что императрица являлась марионеткой в руках Меншикова и Макарова, источники не сохранили; здесь в силу вступают логические соображения.

13 марта 1726 года Верховному тайному совету стало известно, что Сенат не принимает промеморий от первых трех коллегий. Об этом доложил императрице Макаров. Возвратившись, он объявил, что Сенату отныне «писаться Высокий сенат, а не Правительствующий для того, что слово сие „Правительствующий“ непристойно».¹² Вряд ли такую акцию, требовавшую соответствующей юридической подготовки, Екатерина могла совершить самостоятельно, без влияния извне.

8 августа 1726 года Екатерина, присутствуя на заседании Верховного тайного совета, высказала суждение, требовавшее от нее знания дипломатического этикета и осведомленности о прецедентах. Она «изволила разсуждение иметь» отправить послом в Польшу вместо графа Бассевича князя Василия Долгорукого, «разсуждая, что там ему возможно и без публичной аудиенции и других церемоний посольское дело управлять по примеру тому, как и здесь будучи шведский посол Цедергельм чинил».¹³

Особая роль выпадала на долю Макарова при назначениях на должности. Это неудивительно – никто в стране после смерти Петра I не мог соперничать с Алексеем Васильевичем в знании недостатков и достоинств разных вельмож. Личное знакомство с каждым из них позволяло ему знать и их рвение к службе, и степень бескорыстия, и такие свойства натуры, как склонность к жестокости или милосердию. Рекомендации Макарова имели для императрицы решающее значение.

Так, 23 февраля 1727 года Верховный тайный совет представил список кандидатов в губернаторы князей Юрия Трубецкого, Алексея Черкасского, Алексея Долгорукого, президента Доимочной канцелярии Алексея Плещеева. Екатерина согласилась назначить губернатором только генерал-майора Ю. Трубецкого; «о прочих, – извещал Макаров Верховный тайный совет, – изволила сказать, что они здесь потребны, и для того б „выбрать иных и представить“». Чтобы «изволиль сказать» подобное, надобно было располагать обстоятельными сведениями о каждом из кандидатов и быть уверенной, «что они здесь потребны», – а это вряд ли было под

¹² Там же. С. 90.

¹³ Сб. РИО. Т. 56. С. 25, 26.

силу императрице.

Макаров стоял за спиной Екатерины и при назначении губернатором в Казань генерал-майора Василия Зотова. Верховный тайный совет считал более целесообразным назначить его президентом Юстиц-коллегии, но императрица, конечно же с подачи Макарова, настояла на своем.

Известно, что имевшему бригадирский ранг Алексею Бибикову протезировал Меншиков. Именно его Александр Данилович прочил в новгородские вице-губернаторы, полагая, что рекомендованный императрицей Холопов «за старостью и дряхлостью ни к какой службе не способен». Екатерина (читай, Макаров) отвела кандидатуру Бибикова, велел «выбрать в вице-губернаторы иного, постарее его, Бибикова».

Обратная связь Верховного тайного совета с императрицей тоже осуществлялась через Макарова. В бумагах можно обнаружить разные варианты формулировок, смысл которых состоял в том, что Верховный тайный совет поручал Макарову передать императрице принятые им указы на предмет их одобрения или для их подписания.

Иногда – правда, нечасто – имя Макарова упоминалось наравне с членами Верховного тайного совета, присутствующими на его заседаниях. Так, 16 мая 1726 года «в присутствии четырех особ (Апраксина, Головкина, Толстого и Голицына. – *Н. П.*)...и тайного кабинет-секретаря Алексея Макарова читана реляция Алексея Бестужева секретная, № 17, из Копенгагена». 20 марта 1727 года Алексей Васильевич даже выступил с инициативой, чтобы деньги, оставшиеся в Ростовской епархии после указанных расходов, передать в казну. Верховный тайный совет согласился: «Учинить по тому предложению».¹⁴

О влиянии Макарова на императрицу конечно же было известно правящей элите. Макаров нажил себе и смертельных врагов, среди которых самыми заклятыми были А. И. Остерман и вице-президент Синода Феофан Прокопович. Они доставили ему немало неприятностей во время царствования Анны Иоанновны, когда Макаров в течение многих лет находился под следствием и до самой своей смерти содержался под домашним арестом.

Впрочем, императрица не во всех случаях нуждалась в подсказках. На уровне бытовых вопросов она принимала самостоятельные решения, как это произошло, например, с указом 21 июля 1726 года о порядке проведения кулачных боев в столице. Генерал-полицеймейстер Петербурга Девиер доложил, что на Аптекарском острове бывают многолюдные кулачные бои, во время которых «многие, ножи выняв, за другими бойцами гоняются, а иные, в рукавицы положив ядры, и камни, и кистени, бьют без милости смертными побоями, от которых боев есть и не без смертных убийств, которое убийство и в грех не вменяют, также и песком в глаза бросают». Императрица не запретила кулачные бои, но потребовала честного соблюдения их правил: «Кто... впредь в таких кулачных боях для увеселения будет иметь желание, и им выбрать сотских, пятидесятских и десятских, зарегистрироваться в полицейместерской канцелярии, а затем наблюдать за соблюдением правил кулачного боя».¹⁵

Еще одним человеком, влияние которого на государственные дела было несомненным, хотя и не слишком заметным, был А. И. Остерман. До поры до времени он находился за кулисами событий, а на первый план вышел позднее, уже после падения Меншикова. Испанский посол де Лириа доносил 10 января 1728 года:

¹⁴ Сб. РИО. Т. 63. СПб., 1888. С. 150, 151, 186, 372.

¹⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4939.

«...после падения Меншикова все дела этой монархии перешли в его (Остермана. – *Н. П.*)руки... личности, известной своими качествами и способностями». По его оценке, Остерман являлся «дельцом, за которым всё – интриги и интриганы». ¹⁶

Большинство иноземных наблюдателей единодушны в высокой оценке способностей Андрея Ивановича. Вот как отзывался о нем прусский посол Мардефельд 6 июля 1727 года, когда Остерман еще находился под протекцией Меншикова: «Кредит Остермана проистекает не только из могущества князя (Меншикова. – *Н. П.*), но основывается на великих способностях барона, честности, бескорыстии его и поддерживается безграничной любовью к нему молодого императора (Петра II. – *Н. П.*), у которого хватает дальновидности, чтобы познать в нем помянутые качества и понять, что барон вполне необходим этому государству для его сношений с иностранными державами». ¹⁷

Не со всеми приведенными оценками можно согласиться. Мардефельд справедливо отметил редкое качество вельможи того времени – Остерман не был уличен ни во взяточничестве, ни в казнокрадстве. Справедливо и утверждение о его уме, работоспособности и роли в правительстве. Действительно, у Остермана доставало физических сил и дарований, чтобы не только ознакомиться с содержанием поступавших в Верховный тайный совет многочисленных донесений коллегий, губернаторов, должностных лиц, выполнявших его специальные поручения, но и выделить из них важнейшие, чтобы сформировать повестку дня очередного заседания, подготовить соответствующее постановление, для которого по его заданию помощники разыскивали предшествующие указы по аналогичному случаю. К подобному систематическому труду отечественные вельможи того времени не были приучены, и трудолюбивый Остерман действительно был незаменим. По словам Мардефельда, Остерман «несет то бремя, которое они (русские вельможи. – *Н. П.*), по своей природной лености, не хотят носить». ¹⁸

Незаменимость Остермана в решении вопросов повседневной, рутинной жизни государства отметил и наблюдательный французский дипломат Маньян, извещавший версальский двор в июне 1728 года: «Кредит Остермана поддерживается лишь его необходимостью для русских, почти не заменимой в том, что касается до мелочей в делах, так как ни один из русских не чувствует себя достаточно трудолюбивым, чтобы взять на себя это бремя». ¹⁹ Маньян неправ, распространяя отсутствие трудолюбия на всех «русских». Достаточно сослаться на кабинет-секретаря Макарова, несколько не уступавшего в трудолюбии Остерману. Однако Алексею Васильевичу доставало знания иностранных языков и осведомленности во внешнеполитических делах.

Таковы были люди, в руках которых находилась реальная власть и которым предстояло искать пути преодоления кризиса, поразившего Россию в начале второй четверти XVIII века.

¹⁶ Осмнадцатый век. Кн. 2. С. 31, 32.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 327.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 75. С. 192.